

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

ОБ ИНКОРПОРИРОВАНИИ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

Инкорпорирование относится к числу мало исследованных языковых явлений. Одни языковеды рассматривают его в плане морфологическом, другие — в плане синтаксическом, третьи отрицают его наличие.

Инкорпорирование как особое языковое явление свойственно языкам некоторых народов, населяющих Северную и Центральную Америку. Особенно ярко оно выражено в ирокезском языке. Инкорпорирование было обнаружено также и в палеоазиатских языках: чукотском, корякском и нивхском¹.

Инкорпорирование, в нашем понимании, представляет собой особое развитие словосложения, своеобразие которого состоит в следующем. Языкам, в которых развито инкорпорирование, кроме обычного для индоевропейских языков сложения различных определительных компонентов с определяемым именем существительным, свойственно также сложение слова, обозначающего прямой объект действия, с переходным глаголом. По мнению Ф. Боаса, включение именного или местоименного обозначения объекта в глагольное высказывание составляет характерную особенность инкорпорирования². При образовании инкорпорированных словокомплексов известные разряды слов опускают свои морфологические показатели, другие же группы слов претерпевают фонетические изменения. По своей структуре словокомплексы не всегда совпадают со сложными словами — компоненты, образующие словокомплексы, подвижны, компоненты же, образующие сложные слова, неподвижны. Примечательная особенность инкорпорирования состоит еще в том, что оно используется в некоторых языках в качестве синтаксического средства. Эта особенность очень отчетливо выражена в нивхском языке.

Словосложение в нивхском языке является одним из древних способов образования новых слов. Однако своеобразие сложения слов в нивхском

¹ Поскольку в последнее время стали высказываться мнения о том, что инкорпорирование в палеоазиатских языках не существует, Ученый совет Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР организовал диспут об инкорпорировании в этих языках; к участию в нем были привлечены также сотрудники ЛИН (С. Е. Яхонтов), ЛГПИ им. А. И. Герцена (Е. П. Лебедева, Т. А. Молл, В. Н. Савельева) и Института этнографии АН СССР (Ю. В. Квировов). 18 апреля и 9 мая сего года на расширенных заседаниях Ученого совета Института языкознания были заслушаны доклады Е. А. Крейновича и В. З. Павфилова об инкорпорировании в нивхском языке; с докладом об инкорпорировании в чукотском языке выступил П. Я. Скорик; первый и последний докладчики доказывали наличие инкорпорирования, второй отрицал его, отожествляя инкорпорирование с примыканием.

Доклады вызвали оживленные прения. Некоторые из участников диспута высказали мнение, что так называемые инкорпорированные комплексы соответствуют неустойчивым сложным словам, в связи с чем нет надобности в сохранении и употреблении термина «инкорпорирование». Большинство же выступавших в той или иной степени соглашались с тем, что инкорпорирование можно рассматривать как языковое явление, не сводимое полностью ни к словосложению, ни к словосочетанию.

² F. Boas, Handbook of American Indian languages, pt. 1, Washington, 1911, стр. 74.

языке заключается не в том, что путем сложения образуются новые слова, но в том, что при помощи его главным образом передаются некоторые синтаксические отношения. Своеобразие порядка слов в нивхском языке состоит в том, что прямое дополнение и определение, стоящие непосредственно перед своими сказуемыми и определением (такой порядок слов является обычным для нивхского языка), соединяются друг с другом в словокомплексы: прямое дополнение соединяется со сказуемым в глагольный словокомплекс¹, а определение с определяемым словом — в именной словокомплекс. Указанный способ выражения объектных и атрибутивных отношений является основным.

О случаях образования свободного сочетания прямого дополнения с переходным глаголом и определения с определяемым словом будет сказано ниже.

*

Переходим к краткому описанию глагольного словокомплекса.

Стержнем глагольного словокомплекса является переходный глагол, с которым соединяется непосредственно стоящее перед ним прямое дополнение, выраженное именем существительным, местоимением, числительным или именем действия².

Переходные глаголы нивхского языка разделяются нами на две группы: группу глаголов, имеющих местоименные показатели объекта, и группу глаголов, не имеющих таких показателей. Вторая группа, вероятно, является результатом более позднего развития³.

Приступая к краткому обзору словокомплексов, образованных при участии переходных глаголов с местоименными показателями объекта, обратим внимание прежде всего на фонетические изменения местоимения 3-го лица ед. числа *иф* «он»⁴. По своему составу это местоимение сложное. К именам существительным с начальным согласным присоединяется лишь первый компонент этого местоимения *и*, а к существительным с начальным гласным — второй компонент *ф*: *идыф* «его дом» (*тыф* «дом»), *вымык* «его мать» (*ымык* «мать»). При склонении местоимения *иф* первый компонент местоимения *и* под влиянием окончания дательного-направительного падежа чередуется с *э* (*эрх* «к нему»), а под влиянием окончания местного падежа переходит в *й* (*йуйн* «у него»). Таким образом, определяются три фонетических варианта первого компонента анализируемого местоимения — *й*, *и*, *э*. Указанные варианты встречаются в составе целого ряда переходных глаголов в качестве местоименных префиксов⁵.

¹ Об этом слиянии в свое время писал еще Л. Я. Штернберг (L. Sternberg, Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen, «Internationaler Amerikanisten-Kongress. 14-te Tagung, Stuttgart, 1904», 1-е Hälfte, 1906). Термин «словокомплекс» в отношении результата подобного слияния мы употребляем условно.

² Образование имени действия от глаголов происходит не морфологическим, а синтаксическим путем: *Выксин прыд'* «Выксин пришел», *н'и Выксин-прыд'нышд'* «я приход (прихождение) Выксина видел».

³ См. об этом также: R. Jakobson, Notes on Gilyak, «The bull. of the Institute of history and philology [of the Academia sinica]», vol. XXIX, 1958. С работой Р. Якобсона автор имел возможность ознакомиться только после того, как настоящая статья была в наборе.

⁴ В основу настоящей статьи положены материалы амурского диалекта нивхского языка. Условные обозначения: (а. д.) — амурский диалект, (с. д.) — сахалинский диалект. Знаками *q*, *χ*, *ʃ*, *f* обозначается увулярный ряд согласных; знаком *ш* — глухой *p(p)*; знаком *h* — фарингальный целевой; *i* — среднеязычный сонант; знаками *m'*, *ɖ'*, *n'* — среднеязычные согласные; знаками *n'*, *m'*, *ɕ'*, *k'*, *q'* — придыхательные согласные.

⁵ Л. Я. Штернберг, впервые отмечавший эти префиксы, называл их плеонастическими местоимениями (см. Л. Я. Штернберг, Образцы материалов по изучению гильякского языка и фольклора, собранных на острове Сахалине и в низовьях Амура, «Известия Имп. Академии наук», Serie V, т. XIII, № 4, 1900, стр. 417—418).

Местоименные префиксы *j*, *и*, *э* при переходных глаголах выражают неопределенное обобщенное представление об объекте, на который направлено данное действие. Когда в предложение вводится наименование определенного конкретного объекта, надобность в местоименном показателе его отпадает, и показатель уступает свое место конкретному обозначению объекта — имени существительному, которое соединяется с переходным глаголом¹.

При соединении прямого дополнения с переходным глаголом в последнем происходят следующие изменения:

1. Префикс *j* опускается: *н'и жард'* «я кормил», *н'и дан-ард'* «я собаку кормил» (*дан* «собака»)².

2. Префикс *j* чередуется с *h*: *н'и јэд'* «я варил», *н'и ч'о-һэд'* «я рыбу варил» (*ч'о* «рыба»).

3. Префикс *и* опускается, а следующий за ним согласный может подвергаться чередованиям: *н'и ирмьд'* «я тянул», *н'и к'э-шмьд'* «я невод тянул» (*к'э* «невод»); *н'и индыд'* «я увидел (нашел)», *н'и т'адо-ншмьд'* «я нож нашел» (*т'адо* «нож»).

4. Префикс *и* опускается, в корневой основе восстанавливается исторически существовавший в ней гласный *у*, а согласный, следующий за префиксом, подвергается чередованиям: *н'и ичд'* «я убил», *н'и ч'о-ху́д'* «я рыбу убил», *н'и дан-к'у́д'* «я собаку убил»; *н'и ифкт'* «я запряг», *н'и дан-бу́кт'* «я собаку запряг».

5. Префикс *и* опускается, в корневой основе восстанавливается гласный *и* (возможно, что здесь имеет место метатезис), а согласный, следующий за префиксом, может подвергаться чередованиям: *н'и ин'д'* «я ел», *н'и ч'о-н'ид'* «я рыбу ел»; *н'и изд'* «я освежевал», *н'и дан-ч'ид'* «я собаку освежевал».

6. Префикс *э* опускается, а следующий за ним согласный может подвергаться чередованиям: *н'и эһнад'* «я мазал», *н'и ки-эһнад'* «я обувь смазал» (например, жиром; *ки* «обувь»); *н'и мэут'у-к'над'* «я ружье смазал» (*мэут'у* «ружье»).

7. Префикс *э* опускается, в корневой основе восстанавливается гласный *о*, а согласный, следующий за префиксом, может подвергаться чередованиям: *н'и эвд'* «я держал», *н'и т'адо-вод'* «я нож держал», *н'и тух-под'* «я топор держал» (*тух* «топор»), *н'и дан-бод'* «я собаку держал (поймал)».

¹ В мексиканском (ацтекском) языке местоименный показатель объекта и объект, выраженный именем существительным, также замещают друг друга в глагольном комплексе: *нитлауа* «я ем нечто», *нинакауа* «я ем мясо» (*ни* — префикс 1-го лица ед. числа, *тла* — местоименный показатель объекта, *накта* «мясо», *уа* — основа переходного глагола «есть»); см. В. фон-Гумбольдт, О различиях организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание, СПб., 1859, стр. 157—158.

² Сливающиеся компоненты словокомплекса разделяются нами дефисом.

³ Глаголу *у́д'* «убить» амурского диалекта соответствует *изд'* в сахалинском диалекте, чем объясняется восстановление глухого щелевого *х* в основе глагола при слиянии с ним прямого дополнения. Одна из фонетических закономерностей развития амурского диалекта состоит в том, что в середине слов глухие щелевые *ф*, *с*, *ш*, *х*, *х* сахалинского диалекта в амурском перешли в звонкие *в*, *з*, *р*, *г*. *Е*: *офан* (с. д.) — *оаа* (а. д.) «муна», *хасан* (с. д.) — *хааа* (а. д.) «ножницы», *јшид* (с. д.) — *јард'* (а. д.) «кормить», *ушмуд* (с. д.) — *ушмуд'* (а. д.) «воевать», *охан* (с. д.) — *оһа* (а. д.) «корова». Эта закономерность позволяет понять причину восстановления глухих смычных звуков в глагольных основах амурского диалекта. В дальнейшем в некоторых говорах амурского диалекта началось выпадение звонких щелевых *г* и *ж*, вследствие чего предшествующий им гласный стал долгим: *а҃жс*, *а҃с* «разновидность лопуха» (ср. *ас* «обод бубна»), *о҃жр*, *о҃р* «нишечник лососевых рыб» (ср. *ор* «пола») и др. Возникшее вследствие этого смысловозначительное противопоставление вновь образовавшихся долгих гласных нормальным гласным свидетельствует, по-видимому, о начале формирования новой фонологической категории долгих гласных в амурском диалекте нивхского языка.

8. Префикс *э* опускается, а в корневой основе восстанавливается гласный *о*, согласный же, следующий за префиксом, может подвергаться чередованиям: *эмуд'* «любить, радоваться», *н'и ч'о-сmod'* «я рыбу люблю», *н'и т'ус-ч'mod'* «я люблю мясо».

9. Префикс *э* опускается, в корневой основе восстанавливается гласный *э* (возможно, что здесь имеет место метатезис), а согласный, следующий за префиксом, может подвергаться чередованиям: *н'и эспт'* «я уколол», *н'и ч'о-сэвд'* «я рыбу уколол (острой)», *н'и ланр-ч'эвд'* «я перпу уколол» (*ланр* «нерпа»).

10. Префикс *э* опускается, гласный *и* в корневой основе глагола чередуется с *э*, а согласный, следующий за префиксом, в свою очередь подвергается чередованиям: *н'аур эурид'* «крыса грызла», *н'аур ма-хрэд'* «крыса юколу грызла» (*ма* «юкола, пласты вяленой рыбы»), *н'аур нын'ф-г'рэд'* «крыса кость грызла» (*нын'ф* «кость»).

Приведенные факты дают основание предполагать наличие системы слияния прямых дополнений с переходными глаголами в нивхском языке.

Во всех указанных случаях прямое дополнение замещает местоименный префикс и соединяется с основной глагола. Но если каждый переходный глагол с местоименным префиксом (например, *јард'* «кормить») представляет собой законченное слово, то, следовательно, в результате соединения прямого дополнения с основой глагола также должно получиться своеобразное сложное слово, поскольку и здесь второй компонент (например, *-ард'* «кормить») не существует как отдельное законченное слово без первого компонента, который может быть или самостоятельным словом (например, *ган* «собака»), или местоименным префиксом¹. Такие своеобразные сложения основ имен существительных (внешне совпадающих с отдельными законченными словами) и основ переходных глаголов (часто не совпадающих в этом случае с отдельными законченными словами) мы условно называем словокомплексами.

Лексикализация словокомплексов, образованных путем соединения прямого дополнения с переходным глаголом, представляет собой очень редкое явление. В качестве примера подобной лексикализации можно привести сложное слово *кинзнышд'* «болеть туберкулезом легких». Первый компонент этого сложного слова совпадает с отдельным законченным словом *кинс* «злой дух», «черт», а второй образован от переходного глагола *индыд'* «увидеть», «найти». Дословное значение *кинзнышд'* «увидеть злого духа».

Внешне это сложное слово ничем не отличается от словокомплекса *ганнышд'* (*ган-нышд'*) «увидеть собаку». Однако его первый компонент не может быть заменен без полного разрушения значения этого сложного слова. В словокомплексах же первый компонент может быть заменен любым словом без разрушения значения, выражаемого его вторым компонентом *-нышд'* (*индыд'* «увидеть», «найти»): *q'отр-нышд'* «увидеть медведя» (*q'отр* «медведь»), *к'эq-нышд'* «увидеть лису» (*к'эq* «лиса»), *ныж-нышд'* «увидеть зайца» (*ныж* «заяц») и т. д.

Если компоненты сложных слов монолитны и неподвижны, то компоненты глагольного словокомплекса подвижны и могут быть распростра-

¹ В корякском языке, в отличие от нивхского, большинство имен существительных при слиянии с переходным глаголом опускают свои окончания и подчиняются гармонии гласных. Так, от *кэуланн* «волк» и корневой основы переходного глагола *кэу* «видеть (кого-либо, что-либо)» могут быть, например, образованы такие словокомплексы: *кышакэу* «(он) видел волка» (*кэу > кыч > кыш* — корневая основа слова *кэуланн* «волк», *и* — окончание 3-го лица ед. числа); *кышакэу* «(он) видит волка» (*кы-...-и* — форма настоящего времени); *кэушакэу* «он увидит волка» (*кэ-...-и* — форма будущего времени). Компоненты глагольных словокомплексов в корякском языке сливаются прочнее, чем в нивхском языке. (Примеры по корякскому языку приводятся из материалов, собранных автором. Знаком *к* обозначен верхний звонкий фарингальный целевой.)

нены другими словами и морфологическими показателями, например: *н'и индыд'* «я увидел», *н'и дан-ншыд'* «я собаку увидел» (*дан* «собака»), *н'и дан-н'ын'-ншыд'* «я одну собаку увидел» (*н'ын'* «один»), *н'и дангу-ншыд'* «я собак увидел» (*гу* — окончание мн. числа), *н'и дан-н'ын'-барк-ншыд'* «я только одну собаку увидел» и т. д.

Если можно говорить о совпадении структуры простых глагольных словокомплексов и единичных сложных слов, образованных сложением имени и глагола, то о совпадении сложных глагольных словокомплексов, в состав которых входит прямое дополнение, распространенное другими знаменательными компонентами и аффиксами, и сложных слов не может быть и речи. Следовательно, словокомплексы и сложные слова в нивхском языке не могут быть отождествлены полностью.

Рассматривая переходные глаголы с местоименными префиксами, можно заметить, во-первых, что в преобладающем большинстве случаев префикс предшествует корневой основе с двумя начальными согласными и, во-вторых, что согласный, следующий за префиксом *и* или *э*, является щелевым. Изучая процесс образования переходных глаголов, можно увидеть, что от корневой основы, начинающейся двумя согласными, переходный глагол образуется посредством местоименного префикса *и* или *э*: *пхынд* (с. д.) «возвращаться» — *иэпхынд* (с. д.) «повернуть назад нарту с запряженными в нее собаками», *пхаднд* (с. д.), *пхадт'* (а. д.) «короткий» — *эпхаднд* (с. д.), *эмхадуд'* (а. д.) «укоротить». В тех же случаях, когда в корневой основе имеется один глухой смычный согласный, он чередуется со щелевым: *пилд'* «большой» — *вилуд'* «увеличить».

Примечательно, что все переходные глаголы без местоименных префиксов начинаются в нивхском языке с щелевых согласных: *в, з, р, γ, В, ф, с, ш, х, χ*. Объяснить это явление трудно, но можно предположить, что перед этими глаголами также был местоименный префикс, который был затем утрачен. Сохранился же он только при переходных глаголах, основы которых обычно начинаются с двух согласных. При глаголах же, основы которых начинаются с одного согласного (*и γд'* «убить», *эвд'* «держать», *изд'* «свежевать» и др.), местоименный префикс сохранился, возможно, потому, что эти глаголы утратили корневой гласный, восстанавливающийся при присоединении прямого дополнения¹.

Утрата глаголами местоименных показателей объекта создала известные условия для разрушения инкорпорирования². Тем не менее фонетические процессы, происходящие на стыке прямого дополнения с переходным глаголом, свидетельствуют о соединении их в словокомплекс. Так, когда с переходными глаголами без местоименных префиксов соединяются прямые дополнения, начальные щелевые этих глаголов чередуются так же, как чередуются щелевые, следующие за местоименными префиксами, в чем, несомненно, проявляется действие одной и той же системы соединения прямого дополнения с переходным глаголом в словокомплекс.

Так как закономерности этих чередований уже изложены³, приведем здесь только несколько примеров, доказывающих фонологический характер этих чередований: *ан зад'* «кто бил?», *н'оула зад'* «мой ребенок бил?» — *иф ан -д'ад'* «он кого бил?», *иф н'оула-д'ад'* «он моего ребенка бил»; *них волуд'* «человек свалил» — *них нивγ-болуд'* «человек человека свалил»; *н'и хад'* «я стрелял» — *н'и эна-д'ад'* «я в корову стрелял» (*эна* «корова»), *н'и на-хад'* «я в зверя стрелял» (*на* «зверь»).

¹ Это предположение подтверждается тем фактом, что в говоре селения Чайво на Сахалине глаголу *иγд'* «убить» амурского диалекта соответствует глагол *иγуд* «убить».

² Возможно, что в отдаленном прошлом в нивхском языке переходный глагол как отдельное слово не мог быть выражен без местоименного показателя объекта.

³ См. Е. А. Крейнович, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, М.—Л., 1937, гл. III.

Примеры показывают, что слово, стоящее в позиции подлежащего, не вызывает изменения начального согласного глагола. Будучи же передвинутым в позицию прямого дополнения, это же самое слово может вызывать чередование начального согласного глагола. Это обстоятельство является убедительнейшим доказательством слияния прямого дополнения с переходным глаголом, не имеющим местоименного показателя объекта. Если бы здесь не было слияния, то не было бы и чередования.

В конце приведены два прямых дополнения, оканчивающиеся на *a*: *эна* «корова» и *на* «зверь». Однако в первом случае присоединение *a* вызвало чередование начального согласного глагола, а во втором случае чередования не произошло. Это различие объясняется тем, что слово *эна* некогда оканчивалось на *n* (ср. *энан* «корова» в сахалинском диалекте) и поэтому здесь сохранилось историческое чередование. Этот факт также показывает, что прямое дополнение в нивхском языке действительно соединяется с переходным глаголом в словокомплекс. При этом соединение не обязательно должно сопровождаться чередованием. Поясним это следующими примерами. Присоединяясь к основе с конечным гласным, аффикс, начинающийся со смычного звука, обычно изменяет в возникающем интервокальном положении свой смычный на щелевой; в соответствии с этим фонетическим правилом нивхского языка в переходных глаголах после местоименных префиксов *и*, *э* также следует щелевой согласный: *иʔd'* «убить», *эвд'* «держать» и т. д. Следовательно, можно предположить, что в предложении *н'и на-хад'* «я стрелял в зверя» имеет место такое же соединение прямого дополнения с глаголом, как и в предложении *н'и на-хид'* «я убил зверя». Только во втором случае это соединение связано с тем, что имя существительное заменило префикс *и* (ср.: *н'и иʔd'* «я убил»), а в первом примере слово *на* «зверь» не заменило префикса, но в обоих случаях после гласного следует щелевой.

Соединение прямого дополнения с переходным глаголом в нивхском языке доказывается еще следующим фактом.

Местоименные префиксы *j*, *и*, *э* могут быть замещены в нивхском глаголе префиксами *в*, *у*, *о*, но в этом случае глаголами выражается уже значение не действительного залога, а залога совместного действия: *јорд'* «встретить (кого-либо)», *ворд'* «встретить друг друга», *индыд'* «увидеть (кого-либо)», *ундыд'* «увидеть друг друга», *эзмуд'* «любить (кого-либо)», *озмуд'* «любить друг друга» и т. д.

Примечательно, что между префиксом возвратного залога *у* и основой глагола, как в своеобразную морфологическую рамку, может быть включено прямое дополнение: *оулагу у-дымк-рымк-вог лэрд'* «дети играют, взяв друг друга за руки» (*оула* «ребенок», *гу* — суффикс множественного числа, *у* — префикс, *-тымк/-дымк/-рымк* «кисть руки», *эвд'* «-во «держать», *т* — окончание деепричастия, *лэрд'* «играть»).

Таким образом, все вышеприведенные факты доказывают, что инкорпорирование, т. е. соединение прямого дополнения с переходным глаголом в нивхском языке в один словокомплекс, есть реальное явление.

Теперь уместно поставить вопрос: существует ли в нивхском языке прямое дополнение как член предложения? Если подходить к нивхскому языку с нормами синтаксиса индоевропейских языков, то на этот вопрос надо ответить отрицательно, что и сделал в свое время И. И. Мещанинов¹. Однако мы воздерживаемся от такого заключения, так как в определенных условиях прямое дополнение в нивхском языке может выступать и в качестве самостоятельного члена предложения.

Прямой объект действия в нивхском языке выступает в качестве самостоятельного члена предложения в трёх случаях: 1) когда с переходным

¹ И. И. Мещанинов, *Общее языкознание*, Л., 1940, стр. 86.

глаголом соединяется название косвенного объекта действия; 2) когда к одному переходному глаголу относится несколько однородных прямых дополнений; 3) когда прямое дополнение усиленно подчеркивается.

Рассмотрим эти случаи.

В нивхском языке есть группа переходных глаголов, инкорпорирующая такой объект действия, который в грамматике русского языка рассматривается как косвенный, но в грамматике нивхского языка должен рассматриваться, по-видимому, как прямой. Примеры: *ишпт* '«сидеть», *н'и т'ифт'-шид* '«я на скамье сидел» (*т'ифт* '«скамья», «табурет»); *ирмыд* '«переходить через гору», *н'и пал-шмыд* '«я перешел через гору» (*пал* «гора»); *йымд* '«перешагнуть», *н'и ным'γ-ымд* '«я перешагнул через ногу» (*ным'х* «нога»).

Если же по своей семантике аналогичный переходный глагол управляет не только косвенным (с точки зрения русского синтаксиса), но и прямым дополнением, то косвенное дополнение сливается с глаголом, а прямое дополнение выступает в качестве отдельного члена предложения: *эрод* '«повесить на что-либо», *н'и эрод* '«я повесил», *н'и тади-эрод* '«я на вешалку повесил» (*тади* «вешалка»); *н'и хухт хурхрод* '«я халат там повесил» (слово *хухт* «халат маньчжурского покроя» выделено в этом предложении в качестве отдельного члена предложения; *хур* «там», «тут» — наречное местоимение, которое во втором предложении заменило предметное имя существительное *тади* «вешалка», это наречное местоимение обычно выполняет функцию, сходную с функцией местоименных показателей объекта *j*, *и*, *э*: первое указывает на место действия, известное уже из контекста, а последние — на прямой объект действия).

Рассмотрим еще один пример, где в роли косвенного дополнения (с точки зрения русского синтаксиса) выступает не место, а лицо, в отношении которого косвенно направлено действие: *имγд* '«дать кому-либо», *н'и имγд* '«я дал», *н'и п'ыкын-к'имд* '«я своему старшему брату дал» (*п'и* «себя», *ыкын* «старший брат»), *н'и т'аго п'ыкын-к'имд* '«я дал нож своему старшему брату». В этом примере слово *т'аго* «нож» представляет собой прямое дополнение — отдельный член предложения. В случае же, когда надо указать, что лицу даны два единичных разнородных предмета, название каждого из этих предметов оформляется разделительно-соединительным окончанием *кэ ~ γэ ~ ээ ~ хэ*¹: *н'и т'агоγэ тухкэ п'ыкын-к'имд* '«я нож и топор дал своему старшему брату» (*тух* «топор»). Если же нужно указать, что лицу даны разнородные единичные предметы в количестве более двух, то каждое название предмета оформляется окончанием *һара*: *н'и т'агоһара, тухһара, мэут'уһара п'ыкын-к'имд* '«я нож, топор и ружье дал своему старшему брату» (*мэут'у* «ружье»). Когда же указывается, что лицу было дано не по одному предмету, а большее количество однородных предметов, то к их обозначениям присоединяется соединительное окончание *ко ~ γо ~ го ~ хо*: *н'и тухко мэут'уго п'ыкын-к'имд* '«я дал старшему брату топоры и ружья». Имя существительное, оформленное этим разделительно-соединительным окончанием, также может соединяться с переходным глаголом: *н'и индыд* '«я увидел», «нашел», *н'и тух-нышд* '«я нашел топор», *н'и т'агоγэ тухкэ-нышд* '«я нашел нож и топор». Так как корневая основа глагола *-нышд* '«увидеть», «находить» не употребляется в нивхском языке в качестве отдельного слова, то помещение между именем существительным и основой глагола окончания

¹ Посредством этого окончания образуется также форма совместности двойственного числа: *н'и п'ыкынγэ* «я со своим старшим братом». Форма повелительно-пожелательного наклонения двойственного числа образуется посредством суффикса *ныта*: *һала, выныта* «чу, пойдем (мы оба)». Личное местоимение *мэги* имеет значение «мы оба». Эти факты, возможно, указывают на то, что двойственное число в прошлом было живой категорией нивхского языка.

кэ показывает, что основа глагола управляет не только тем именем существительным, которое соединилось с ним, но и еще одним именем существительным, которое обособилось в отдельный член предложения. Отметим, кстати, что приведенный пример свидетельствует также о том, что словокомплекс в нивхском языке не может быть отождествлен со сложным словом, так как знаменательный (глагольный) компонент его, представленный не отдельным законченным словом, но корневой основой, как в вышеприведенном примере *-ншы-д'*, может вступать в синтаксические связи с отдельными законченными словами в предложении.

В заключение нашего краткого обзора способов выражения прямого объекта действия остановимся на третьем случае выделения прямого дополнения в качестве самостоятельного члена предложения в нивхском языке. Когда говорящий хочет сосредоточить на прямом дополнении основное внимание собеседников, он может отделить прямое дополнение от переходного глагола и поместить его в предложении на первое место впереди подлежащего: *шактох јангајло! ны-умгу ншак ч'и венан, эвгирэ* «что поделаешь! Раз уже ты эту женщину взял, то возьми ее» (*шактох јангајло!* — фразеологическое сращение со значением «что поделаешь!», *ныд'* «этот», *умгу* «женщина», *ншак* «раз», *ч'и* «ты», *эвд'* «брат»). В указанном примере, взятом из фольклорных записей, переходный глагол сохранил при себе местоименный префикс *в(эвд')* и не принял формы, которую он приобретает при инкорпорировании прямого объекта (*-вод'*, *-под'*, *-бод'*), поскольку прямое дополнение не стоит непосредственно перед ним.

Свободное сочетание прямого дополнения со сказуемым в нивхском языке развилось, возможно, из инкорпорированного словокомплекса.

Возвращаясь к вышеприведенным предложениям *н'и на-хад'* «я убил зверя» и *н'и на-хад'* «я стрелял в зверя», мы в первом случае имеем словокомплекс, поскольку компонент *-ху(д')* представляет собой несамостоятельную модифицированную основу отдельного законченного слова *иүд'* «убить», во втором же случае *на* «зверь» и *хад'* «стрелять» представляют собой отдельные законченные слова. Хотя система нивхского языка позволяет усматривать и в этом случае словокомплекс (о чем было сказано выше), нельзя не видеть того, что здесь уже в языке имеются все условия для развития из словокомплекса (ср. *н'и эна-г'ад'* «я в корову стрелял») свободного словосочетания.

В нивхском языке имеется небольшая группа переходных глаголов, начинающих с сонантов, которые не подвергаются фонетическим изменениям: *н'и ч'о-нынд'* «я ловил рыбу» (*ч'о* «рыба», *нынд'* «охотиться», «промышлять», «ловить»). Можно предполагать, что в подобных случаях процесс формирования словокомплексов на основе словосложения уступил место формированию свободного словосочетания.

При дальнейшем изучении вопросов формирования свободного сочетания прямого дополнения с переходным глаголом необходимо также учесть то влияние, которое оказал синтаксис русского языка на синтаксис нивхского языка.

*

Перейдем теперь к краткой характеристике именных словокомплексов.

Стержнем именного словокомплекса является имя существительное, с которым соединяются непосредственно стоящие перед ним определения, представляемые основами качественных, непереходных и переходных глаголов, основами местоимений различных разрядов и основами имен существительных.

С морфологической точки зрения все слова, выступающие в определительной части словокомплексов, могут быть разделены на две группы: слова, в роли определения опускающие свои окончания, и слова, не подвергающиеся в этой роли никаким изменениям. Слова, выступающие в качестве определяемой части словокомплексов, также могут быть разделены на две группы: слова, изменяющие в роли определяемого свой начальный согласный, и слова, не изменяющие в этой роли своих начальных звуков. Во всех случаях, несмотря на указанные различия, происходит соединение определения с определяемым словом в один словокомплекс.

Исходной и наиболее употребительной формой глаголов в амурском диалекте является форма на *д'* (в сахалинском диалекте она имеет показатели *нт*, *нд*, *д*). Кроме глаголов, окончания *-д'* имеют также указательные, определительные, некоторые вопросительные местоимения и некоторые имена существительные; в силу этого можно предполагать, что генетически *-д'* был именным показателем и впоследствии частично вербализовался¹. Если бы это окончание было присуще только глаголам, оно не сохранилось бы при единичных отглагольных именах существительных: *ханд* (с. д.) «подпирать» — *q'анд* (с. д.) «посох».

Значение окончания *-д'* выявляется путем сопоставления вопросительных-местоименных наречий и вопросительных местоимений, образованных при помощи вопросительной основы *ша-*: *шатх?* «куда?», *шајн?* «где?», *шад?* «который?» — падежные окончания *тх*, *јн* выражают здесь пространственные представления, а окончание *д'* можно сопоставить со значением «он»².

Следовательно, можно полагать, что во всех словах, оканчивающихся на *д'*, это окончание некогда выражало значение «он», «некто», «нечто», т. е. являлось обобщенным показателем лица и предмета: *хыд'* «этот (некто)», «это (нечто)», *кылд'* «длинное (нечто)», *прыд'* «пришел (некто)», *зад'* «ударил (кто-то)» и т. д. В тех случаях, когда эти слова выступали в роли определений, надобность в обобщенном показателе отпадала, в связи с чем он опускался, замещаясь конкретным именем существительным³. Так, основа указательного местоимения *хыд'* «этот (некто)», «это (нечто)» и *тыф* «дом» при слиянии дали словокомплекс *хы-дыф* «этот дом»; из основы качественного глагола *кылд'* «длинное (нечто)» и существительного *кылмр* «доска» образовался словокомплекс *кыла-кылмр* «длинная доска»; из основ непереходного глагола *прыд'* «пришел (некто)», переходного гла-

¹ В плане выяснения истории возникновения инкорпорирования важно указать, что глагол в нивхском языке не освободился еще полностью от черт, присущих имени. Так, глагол и имена существительные оформляются единичными аффиксами творительного падежа (*γир*) и множественного числа (*γу*), аффиксом утверждения (*ра*), усилительными частицами (*ат*, *агрр*), могут сочетаться с последоком *эриг* «сторона» (в этом случае глагольное слово на *д'* выступает в роли подлежащего, указывая на действующее лицо). Единичные и некоторые формы отрицания имени и глагола (*q'ауд'* *хавриг* (с. д.)). Примечательно, что каждая корневая глагольная основа может оформляться окончанием направительного падежа (*дох*). Значения причины и цели действия выражаются посредством присоединения к глагольной основе сложных именных аффиксов (*фтох*, *хыфтох*, образованных посредством суффикса *-ф* со значением местонахождения и окончания направительного падежа *тох*). Окончания некоторых деепричастий (*фкә*|*кә*, *га*|*ган*) образовались, по-видимому, из пространственных показателей. Личных окончаний глагол не имеет. Слабые признаки формирования грамматической категории лица прослеживаются только в повелительном наклонении и в некоторых формах деепричастий.

² Доказательством того, что слияние вопросительной основы *ша* с другими компонентами действительно имело место, может служить вопросительное местоимение сахалинского диалекта *т'ауд?* «кто?». Это местоимение образовалось из вопросительной основы *ша-т'а* и указательного местоимения *худ* «этот». Дословное значение этого местоимения «кто этот?».

³ Замещение в глагоде местоименных префиксов *ј*, *и*, *а* прямым дополнением и окончания *д'* конкретным предметным именем существительным, возможно, связано также с выражением элементов неопределенности и определенности в нивхском языке.

гола *зад'* «ударил (кто-то)» и имени существительного *ниех* «человек» соответственно образовались словокомплексы *пры-ниех* «пришедший человек», *за-ниех* «ударивший человек»¹.

Определительные компоненты указанных словокомплексов *ны-*, *кыла-*, *пры-*, *за-* не являются отдельными словами, так как не имеют окончаний *д'*, придающего им форму законченных слов. Следовательно, в указанных и подобных им случаях имеет место слияние корневой основы с определяемым словом в один словокомплекс, что дает основание предполагать наличие в нивхском языке системы слияния определения с определяемым словом в одно целое.

В один словокомплекс с именами существительными сливаются также личные и возвратные местоимения: *н'и* «я», *ч'и* «ты», *иф* «он», *н'ын* «мы», *ч'ын* «вы», *имн* «они», *п'и* «себя». Местоимения *н'и* «я», *ч'и* «ты», *п'и* «себя» опускают в этих случаях свой гласный *и*, а местоимение *иф* «он» обычно выступает перед гласным в форме *в*. Образующиеся словокомплексы выражают значение принадлежности: *ымык* «мать», *н'ымык* «моя мать», *ч'ымык* «твоя мать», *вымык* «его мать», *н'ын-ымык* «наша мать», *ч'ын-ымык* «ваша мать», *имн-ымык* «их мать», *п'ымык* «своя мать»; *һаг* «шапка», *н'аг* «моя шапка», *ч'аг* «твоя шапка», *јаг* «его шапка», *н'ын-һаг* «наша шапка», *г'ын-һаг* «ваша шапка», *имн-һаг* «их шапка», *п'аг* «своя шапка»; *пах* «камень», *н'вах* «мой камень», *ч'вах* «твой камень», *ивах* «его камень», *н'ын-бах* «наш камень», *г'ын-бах* «ваш камень», *имн-бах* «их камень», *п'фах* «свой камень».

Поскольку в примере *н'ымык* «моя мать» имеется явное слияние основ, у нас нет никаких оснований отрицать факт слияния в случае *н'ын-ымык* «наша мать», хотя компоненты этого словокомплекса внешне имеют облик отдельных слов. В обоих случаях здесь проявляется действие одной системы соединения основ и слов в синтаксические словокомплексы. Проявление той же системы имеет место и при соединении имени существительного (точнее — основы имени существительного) с другим именем существительным; например, от слова *т'иф* «след», «тропа», «дорога», образуются словокомплексы: *к'эд-зиф* «след лисы» (*к'эд* «лиса»), *ган-д'иф* «след собаки» (*ган* «собака»), *г'отр-т'иф* «след медведя» (*г'отр* «медведь») и т. д.

Образование словокомплексов в этих случаях также подтверждается чередованиями начальных согласных. Правда, в последнем случае изменения слова *т'иф* «след» не произошло. Однако сочетание смычного с щелевым или щелевого со смычным в нивхском языке может свидетельствовать о соединении компонентов в одно целое. Доказательством этому может служить также и тот факт, что при слиянии основы с аффиксами имеют место чередования согласных, аналогичные чередованиям начальных звуков именных и глагольных основ при соединении их в словокомплекс. Сопоставим эти явления, не разделяя компоненты словокомплексов дефисом:

<i>рох</i> — окончание дательно- направительного падежа	<i>тыф</i> «дом»	<i>род'</i> «помогать»
<i>н'ытыкрох</i> «к моему отцу»	<i>н'ытыкрыф</i> «дом моего отца»	<i>н'ытыкрод'</i> «помог моему отцу»
<i>н'нанхтох</i> «к моей старшей сестре»	<i>н'нанхтыф</i> «дом моей старшей сестры»	<i>н'нанхтод'</i> «помог моей старшей сестре»
<i>н'оуладох</i> «к моему ребенку»	<i>н'оуладыф</i> «дом моего ребенка»	<i>н'оуладод'</i> «помог моему ребенку»

¹ Комплекс типа *за-ниех* возможен только в том случае, если из контекста известно, о чем шла речь. Обычно основа переходного глагола в роли определения выступает вместе с инкорпорированным прямым дополнением.

Приведенные факты не оставляют никаких сомнений в том, что наличие фонетических чередований свидетельствует не только о слиянии основ имен существительных с падежными окончаниями, но также и о соединении основ имен существительных с именами существительными и переходными глаголами в один словокомплекс.

Сравним теперь сложное слово *выт'зиф* «железная дорога» и словокомплекс *к'эд-зиф* «след лисы» (*выт'* «железо», *к'эд* «лиса»), *кылана* «змея» (дословно: «длинное животное») и *кыла-гылмр* «длинная доска» (*кылд'*, *кылад'* «длинный», *на* «животное, зверь», *кылмр* «доска»); *зат'уур* «кресало» (дословно: «ударный огонь») и *за-нивх* «ударивший человек» (*зад'* «ударить», *т'уур* «огонь», *нивх* «человек»).

Как сложные слова, так и словокомплексы могут получать одинаковые окончания числа и падежа: *выт'зифку* «железные дороги», *к'эд-зифку* «лисий следы», *кыланауир* «змеей», *кыла-гылмркир* «длинной доской», *зат'ууртох* «к кресалу», *за-нивхдох* «к человеку, который ударил» и т. д. Создается впечатление, что сложные слова и именные словокомплексы представляют собой явления одного порядка. Однако, как только мы станем присоединять к сложным словам и словокомплексам определения принадлежности, то сразу станет очевидным различие между ними. Так, можно сказать *н'выт'зиф* «моя железная дорога», *н'хэд-зиф* «след моей лисы», *н'кылана* «моя змея», *н'кыла-гылмр* «моя длинная доска», *н'зат'уур* «мое кресало», но в *н'за-нивх* усеченное местоимение *н'—н'и* «я» будет уже указывать не на принадлежность, а на прямой объект действия «меня ударивший человек», «человек, который меня ударил». Это объясняется тем, что корневая основа *за* «ударить» в сложном слове *зат'уур* «кресало» полностью субстантивировалась, а в словокомплексе *за-нивх* «ударивший человек» сохранила семантику переходного глагола. Поэтому же к *зат'уур* может быть присоединено определение, например, *пила-зат'уур* «большое кресало», но к *за-нивх* оно уже не может быть присоединено. Сказать *пила-за-нивх* невозможно, так как к основе глагола *за(д')* «ударить» может быть присоединено только прямое дополнение.

Отличие словокомплексов от сложных слов состоит еще и в том, что определительный компонент словокомплекса может быть заменен любым определением, дающим ту или иную характеристику его определяемому. Так, например, можно сказать *к'эд-зиф* «след лисы», *дан-д'иф* «след собаки», *вэс-т'иф* «след воропы»; *к'ыла-гылмр* «длинная доска», *пила-гылмр* «большая доска», *вэрла-гылмр* «широкая доска»; *пры-нивх* «пришедший человек», *за-нивх* «ударивший человек» и т. д.

В сложных же словах заменить определительный компонент невозможно, так как это сразу же приведет к разрушению значения, выражаемого сложным словом. Так, если в сложном слове *кылана* «змея» заменить определительный компонент *кыла* (от *кылд'* «длинный») другим определением, например, *пила* (от *пилд'* «большой»), то *пила-на* будет уже обозначать не «большая змея», а какое-то «большое животное».

Структура простых определительных словокомплексов, образованных соединением двух или трех основ, может быть сопоставлена со структурой сложных слов, тогда как структура сложных определительных словокомплексов не может быть сопоставлена со структурой сложных слов, например *ны-эри-зырун ч'хызыла-тола-хэунизиур панд'* «на берегу этой реки удивительная толстая ольха росла» (*хыд'* «этот», *эри* «река», *т'ыр* «край», *уун* — окончание местного падежа, *ч'хызылад'* «удивительный», *толад'* «толстый», *хэунги* «ольха», *т'иур* «дерево», *панд'* «расти»).

Не имея возможности остановиться здесь на других особенностях сложных определительных словокомплексов, отметим только следующее.

Переходный глагол с инкорпорированным прямым дополнением может выступать в нивхском языке в качестве определения: *нивх юүд'* «человек поил», *нивх мур-ыүд'* «человек лошадь поил», *мур-ыү-нивх* «человек, на-

поивший лошадь»¹. Этот словокомплекс, имеющий форму сложного слова, можно распространить, присоединив к нему другое прямое дополнение: *эВагэ мурэ-ыч-них* «человек, напоивший корову и лошадь». В последнем случае прямое дополнение *эВа* «корова», оформленное разделительно-соединительным окончанием *гэ*, вступило в синтаксические отношения с *ыч* — корневой основой глагола *йычд'* «поить».

Посредством разделительно-соединительных суффиксов, присоединяемых к каждому из однородных определяемых существительных, определение или даже падежное окончание, соответственно слившееся или присоединившееся к одному из этих определяемых, могут быть отнесены к каждому из них: *пила-эВаго мурго* «большие коровы и лошади», *н'и колхоз-эВаго мургодох вид'* «я пошел к колхозным коровам и лошадям».

Таким образом, одна из характерных особенностей нивхского языка состоит в том, что корневые и производные основы слов в этом языке служат строительным материалом не только для образования слов, но и для формирования словокомплексов. Примечательно, что корни и основы слов, входящие в состав словокомплексов, не будучи законченными словами, могут все же вступать со словами в синтаксические отношения.

Исходя из этого, В. З. Панфилов отрицает наличие в нивхском языке инкорпорирования; по его мнению, «определение и определяемое, прямое дополнение и сказуемое образуют в нивхском языке не инкорпорированные комплексы, а словосочетания, построенные на примыкании»². Пытаясь доказать, что в нивхском языке нет инкорпорирования, а есть примыкание, В. З. Панфилов выделяет в действительности не существующую там категорию причастий, усматривая ее даже в составе сложных слов; усеченные корневые основы личных местоимений он называет префиксами; чередования начальных согласных звуков, носящие в нивхском языке фонологический характер, определяются им как фонетические сандхи, а корневые и производные основы рассматриваются как отдельные слова.

Вместо инкорпорирования в нивхском языке, заявляет В. З. Панфилов, «мы имеем на самом деле синтаксические сочетания отдельных слов, употребляемых в качестве одного из членов предложения (определения, определяемого, прямого дополнения, сказуемого)»³.

Каждый компонент инкорпорированного комплекса, по В. З. Панфилову, — это отдельное слово. Но отдельное слово должно иметь реальное бытие не только в комплексе, не только в предложении, но и вне его. Однако, если мы извлечем из вышеприведенного словокомплекса *мур-ыч-них* «человек, напоивший лошадь» компонент *ыч*, то он уже будет означать не «поить», но «конец» (*ыч*); соответственно компонент *к'эд'* из словокомплекса *кагс-к'эд'* «одел одежду» будет означать не *эд'* «одевать», но «тощий» (*к'эд'*). Эти примеры (а число их можно значительно увеличить) говорят о том, что корень или основу слова, лишенных своих морфологических показателей, равно и фонетически измененную основу нельзя извлекать из словокомплекса и отождествлять со словом, поскольку при этом они утрачивают свое действительное значение и либо приобретают омонимичное значение, либо ничего не означают⁴.

¹ В ряде случаев в словокомплексах такого типа наличие или отсутствие чередования начального согласного глагола используется для выражения значения действительного или страдательного залога: *н'ым-д'а-них* «нас бивший человек», *н'ым-за-них* «нами битый человек» (*зад'* «бить»). Во втором случае местоимение *н'ым*, по-видимому, только примкнуло к глаголу, так как нивхи, с которыми мы изучали это явление, говорят, что слово *н'ым* в этом случае произносится как бы отдельно, а во втором случае все произносится слитно.

² В. З. Панфилов, К вопросу об инкорпорировании, ВЯ, 1954, № 6, стр. 25.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Отождествление компонентов словокомплексов и сложных слов с отдельными словами позволяет В. З. Панфилову выделять в нивхском языке такие слова, как, например: *улан'* «гора», *паг'лан'* «солнце», *иг'рид'* «служить», *ним* ~ *фин* «житель» и т. д. (см. стр. 17—18 цитируемой работы). Между тем «гора» по-нивхски *пал*, «солн-

Отождествление словокомплексов нивхского языка типа *дан-ард'* «собаку кормил», *дан-к'уд'* «собаку убил», *дан-нишд'* «собаку увидел» и т. п. со словосочетаниями, построенными на примыкании, абсолютно невозможно, так как вторые компоненты этих словокомплексов представляют собой корневые основы глаголов, которые никогда не употребляются в нивхском языке как отдельные слова без слитого с ними прямого дополнения или местоименного префикса. Точно так же словокомплексы типа *рыу-нивх* «учащий человек», «учитель», *пиш-нивх* «пришедший человек», *пила-нивх* «большой человек» и т. п. не могут быть названы словосочетаниями, поскольку их первые компоненты, представляющие собой основы переходных, непереходных и качественных глаголов, никогда не употребляются в нивхском языке как отдельные слова без определяемого слова или без суффикса *д'*. Поскольку от основ качественных глаголов посредством суффикса *лкар*, *кар* образуются отдельные слова со значением превосходной степени, следует полагать, что они образуют с определяемым словом словосочетания, а не словокомплексы. Так, *пила нивх* «большой человек» — словокомплекс, а *пилкар нивх* «большущий человек» — словосочетание.

Примыкать друг к другу могут только отдельные законченные слова (*ургур нумја* «хорошо живи»), основы же слов, лишенные своих морфологических показателей, могут лишь сливаться с другими основами или аффиксами, которые придают им форму сложного или отдельного слова.

По нашей инициативе в Лаборатории экспериментальной фонетики имени Л. В. Щербя, уже после диспута, начались при участии Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич первые пробы экспериментального исследования инкорпорирования. Об итогах этого исследования будет сообщено особо.

В нивхском языке, как и в других языках, имеются синтаксические способы управления, согласования и примыкания. Кроме того, в нем есть еще и инкорпорирование, выступающее как явление синтаксического использования процесса осново- и словосложения: объектное отношение может выражаться посредством сложения имени с глаголом, в результате которого основные изменения претерпевает корневая основа глагола, а имя остается неизменным. Этот примечательный способ выражения объектных отношений в нивхском языке подлежит специальному изучению. Исследователь обязан тщательно и объективно изучить это своеобразное явление, чтобы рассказать о нем другим языковедам, ищущим новые и точные факты, которые позволили бы им идти в глубь истории языков.

це — *к'эн*, *иг'рыд'* «ходить вместе с ним (с псу)», в слове же *вофин* (а не *во-фин*) «житель деревни» (*во* «деревня») компонент *фин* не есть слово «житель», а два аффикса: 1) *фи* ~ *л'и*, посредством которого от имен существительных образуются производные основы, означающие «находиться в месте, выраженном именем существительным», и 2) непродуктивный *н*, посредством которого от глагольных и качественных основ образуются немногие имена существительные. От производной основы *вофи* могут образовываться также и слова с глагольным значением: *вофинан* «когда находился в деревне» и т. д. Следовательно, отождествлять компонент *фин* с отдельным словом «житель» невозможно.